

фактора в политике, властные элиты прокладывают себе путь от гуманизма к тирании - во имя сохранения силового фактора для продолжения политической международной конкуренции в своей социальной стране.

Литература:

1. Мартин У. Дж. Информационное общество (Реферат) // Теория и практика общественно-научной информации. Ежеквартальник / АН СССР. ИНИОН; Редкол.: Виноградов В. А. (гл. ред.) и др. — М., 1990. — № 3. — С. 115—123.
2. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. — М.: Астрель, 2008
3. Прайс М. Масс-медиа и государственный суверенитет: глобальная информационная революция и ее вызов власти государства. — М.: Ин-т проблем информационного права, 2004
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура: пер. с англ. Под науч.ред. О.И.Шкаратана. - М.:CEU, 2000.
5. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека. М.: АСТ. 2002.

ЦИТ: 412-0980

Ларионова И.Л.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ

*Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Москва, Мясницкая, 20, 101000*

Модернизация России должна базироваться на научно обоснованной стратегии, предполагающей определение места России в мире, что требует разработки проблем методологии истории. В докладе рассматривается нижний, наиболее глубинный уровень онтологического аспекта исторической методологии. На основе анализа пяти основных типов философских концепций бытия делается вывод о том, что в качестве методологии истории нижнего уровня целесообразно рассматривать эволюционный вариант нейтрального монизма.

Ключевые слова: модернизация России, методология истории, синергетика, онтология, нейтральный монизм.

Модернизация России, задуманная в конце XX - начале XXI вв. с целью осуществления перехода страны к информационному обществу, должна базироваться на научно обоснованной стратегии. Оптимальная для России концепция информационного общества, эффективные средства и методы модернизации, наиболее благоприятный для населения сценарий этого процесса не могут быть успешно разработаны без определения модели исторического развития России и ее места в мировой истории. То или иное решение проблемы историко-культурной идентичности России в единстве с проблемой макроструктуры и динамики развития земной цивилизации требует разработки целого ряда вопросов, связанных с методологией истории.

Методология истории представляет собой сложно структурированное единство философских, общенаучных и исторических концепций, которое может быть представлено в виде целостной системы, имеющей аспекты и уровни.

В рамках онтологического аспекта методологии истории исследователи пытаются дать ответ на вопрос, что представляет собой историческая реальность и как эта реальность развивается. К этому аспекту методологии относятся учения о бытии; общенаучные теории, в том числе, общенаучные теории эволюции; философско-исторические концепции всемирно-исторического процесса; частные историософские и общие исторические концепции.

Теории, которые можно отнести ко второму аспекту методологии истории – гносеологическому, создаются с целью ответа на вопрос о том, как историческая реальность познается человеком. Эти теории образуют гносеологию, эпистемологию, историческую эпистемологию. Данный аспект методологии включает также теорию методики конкретного исторического исследования.

Третий аспект методологии истории – аксиологический. В его пределах осуществляется оценка человеком исторической реальности. Этот аспект методологии объединяет общее мировоззрение, научное мировоззрение, политическую идеологию и личностные установки авторов научных работ (мировоззренческие, идеологические, психологические и прочие), задействованные в частном историософском или конкретном историческом исследовании. При этом под научным мировоззрением понимается не «правильная», а общенаучная картина мира и исследовательское отношение к окружающей реальности.

Как видим, каждый аспект методологии может быть представлен в виде системы из четырех уровней. В таком случае первый уровень методологии истории образуют общая онтология, общая гносеология и общее мировоззрение; второй уровень – общенаучные теории, эпистемология и научное мировоззрение; третий уровень – историософские концепции всемирно-исторического процесса, историческая эпистемология и политическая идеология. Четвертый уровень включает частные философско-исторические и общие исторические концепции, теорию методики конкретного историософского или исторического исследования и личностные установки, используемые в таком исследовании.

Из соображений удобства изложения будем считать первый, самый отделенный от исторического исследования уровень нижним, а второй уровень обозначим как средний. Поскольку историософские концепции всемирной истории, историческая эпистемология и политическая идеология исполняют роль непосредственной методологии исторического исследования, если абстрагироваться от охарактеризованного выше содержания методологии четвертого уровня, то третий уровень назовем верхним. Именно теоретические конструкции этого уровня лежат в основе целостных исторических курсов, каким бы способом они не излагались (в виде

многотомных трудов, учебников или лекционных циклов) и при помощи каких бы конкретных методов исследования их содержание не было добыто.

Частные историософские и общие исторические концепции также способны играть методологическую роль по отношению к конкретным историческим исследованиям. Однако они являются частной методологией в рамках общей историософской концепции всемирно-исторического процесса. То же самое можно сказать относительно теории методов конкретного исследования и совокупности личностных установок авторов. Эти компоненты методологии истории реализуются в основном в рамках концептуального содержания третьего методологического уровня: исторической эпистемологии и политической идеологии. Поэтому от методологического значения концепций и установок четвертого уровня методологии можно временно абстрагироваться.

Попытка автора выявить соотношение между методологией истории верхнего и среднего уровня в рамках ее онтологического аспекта, а именно определить, какие историософские концепции (стадиальные, цивилизационные или синтезные) больше соответствуют принципам развития сложных открытых систем, привела к выводу о том, что требованиям синергетики как современной теории эволюции более других отвечают синтезные концепции. Поэтому был сделан вывод, что наиболее перспективной в настоящее время является синтезная парадигма, а следовательно, именно на ее основе целесообразно осуществлять дальнейшие поиски оптимальной методологии истории верхнего уровня [9].

Продолжим анализ онтологического аспекта исторической методологии и попытаемся отчасти рассмотреть сложнейшую и, безусловно, не решаемую на данной стадии развития науки и человечества в целом проблему методологии истории нижнего уровня. С этой целью поставим вопрос, какая онтология, то есть какой тип философских концепций бытия мог бы служить методологическим основанием современных общенаучных концепций, в частности, синергетики. Однако, чтобы ответить на этот вопрос, его следует переформулировать. Посмотрим, какие онтологии больше соответствуют современным общенаучным представлениям.

С этой целью обозначим основные типы онтологий и рассмотрим их главные достоинства и недостатки. В соответствии с отечественной философской традицией, утвердившейся в прошлом столетии, основные онтологические парадигмы – основные типы учений о бытии – выявляются в зависимости от ответа на вопрос о том, в каком отношении находятся между собой сознание и материя. В современной западной философии в соответствии с ответом, по сути, на тот же вопрос выявляются различные группы теорий сознания. Правда, вопрос формулируется несколько иначе. Он предстает как психофизическая проблема (проблема соотношения ментального и физического, сознания и тела, сознания и мозга), то есть объектом анализа является, прежде всего, человек. Однако основные варианты решения психофизической проблемы, как правило, выходят за рамки человеческого существа и предлагают некоторую картину мироздания в целом. Поэтому ничто

в западной аналитической философии не препятствует рассмотрению основных ответов на вопрос о соотношении ментального и физического как основных онтологических парадигм.

Существующие в истории философской мысли ответы на обозначенный вопрос позволяют выявить пять основных типов философских концепций бытия. Это материализм, идеализм, дуализм, нейтральный монизм и представление о том, что онтологическая проблематика не предполагает ответа на некорректно поставленный или просто ненужный вопрос о соотношении ментального и физического (сознания и материи).

Наиболее последовательной онтологией, не нуждающейся в решении обозначенной проблемы, является экзистенциализм (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.П. Сартр и др.). В центре внимания этого философского направления находится человек как одинокое несчастное существо, обреченной жить в непредсказуемом мире. И человек и мир иррациональны, поэтому познать их научным путем невозможно. Процесс постижения смысла бытия мыслится как назначение философии [18].

Как представляется, иррациональная онтология не может стать методологией истории нижнего уровня, если историческая наука и ее методология мыслятся как рациональные феномены, а в качестве методологии истории среднего уровня рассматриваются общенаучные теории.

Среди онтологий, предлагающих тот или иной ответ на проблему соотношения ментального и физического, прежде всего, рассмотрим дуализм, поскольку этот тип философских концепций бытия, обладая определенной интуитивной привлекательностью, является наиболее противоречивой онтологией и, следовательно, наименее подходящей кандидатурой на роль методологии истории нижнего уровня.

Дуализм (Платон, Р.Декарт, К. Поппер, Р. Суинбёрн и др.) утверждает, что существуют две субстанции (независимые друг от друга самостоятельные сущности) – ментальная и физическая. Британский философ С. Прист отмечает, что современная наука располагает некоторыми аргументами в пользу дуализма. Известный нейробиолог, лауреат Нобелевской премии Дж. Экклз на основании своих неврологических исследований сделал вывод, что ментальные события могут предшествовать событиям в мозге или происходить после них [14, с.26]. Между тем, каузальное взаимодействие, имеющее место между явлениями (а не между явлением и свойством, явлением и функцией, субъектом и его деятельностью), предполагает, по крайней мере, в макромире, что причина предшествует следствию.

В то же время, как пишет Прист, если ментальное и физическое – это разные субстанции, и они взаимодействуют (человек хочет поднять руку и поднимает, видит дикого зверя и пугается), возникает обозначенная Декартом, а затем поднимаемая многими философами проблема психофизического взаимодействия: как могут каузально обуславливать друг друга абсолютно разные по своей природе сущности [14, с.55-56; 6, с.49]. Таким образом, дуализм, имеющий в наши дни некоторое эмпирическое подтверждение, является наиболее уязвимой онтологией с философской точки зрения.

В рамках монистических концепций непреодолимых логических проблем не возникает. Если в качестве единственной субстанции выступает только материя или только сознание, или же, если единственная субстанция является в некотором смысле и материей и сознанием, то ментальное и физическое имеют нечто общее, или вообще идентичны друг другу. Поэтому проблемы взаимообусловленности разных субстанций нет. Обратим внимание на монистические онтологии.

Согласно идеализму (Плотин, Дж. Беркли, И.Г. Фихте, Ф.В. Шеллинг и др.) первооснова мира - сознание. Физические объекты не материальны и не существуют независимо от восприятия. Окружающий человека мир вещей существует в сознании людей. Люди могут рассматриваться как аспекты единого бесконечного сознания. Причина существования физических объектов – бесконечное сознание (бог), или единичные сознания людей. Главный аргумент в пользу идеализма: мы узнаем о существовании физических вещей только благодаря тому, что воспринимаем их; но из того, что мы имеем опыт восприятия физических объектов, не следует, что они существуют, когда мы их не воспринимаем [14, с.100].

Отметим, что этот аргумент частично находит подтверждение в современной физике. Обнаруженный во второй половине XX века так называемый квантовый эффект Зенона заключается в том, что нестабильная частица в случае идеального постоянного наблюдения никогда не сможет распасться [19, с.185-188], то есть факт существования объекта прямо определяется фактом его наблюдения. Правда, эффект Зенона не зафиксирован в макромире.

Объективный идеализм Г. Гегеля отличается от обозначенной характеристики идеалистической онтологии. С точки зрения Гегеля, ментальное (человеческое сознание) и физическое (мир физических объектов) существуют в новом синтезе, который называется духом. Поэтому реальность не является ни ментальной, ни физической. В концепции Гегеля присутствуют элементы пантеизма («...внешняя природа разумна, божественна, представляет собой изображение идеи») [6, с.16], гилозоизма («природа есть в себе некое живое целое») [5, с.39], нейтрального монизма («...разобщение материального и имматериального может быть объяснено только на основе первоначального единства их обоих») [14, с.49]. Прист приводит несколько высказываний Гегеля в духе нейтрального монизма [14, с.118]. Гегель понимал, что его взгляды могут быть интерпретированы подобным образом и возражал против этого. Но свою непричастность к нейтральному монизму Гегель обосновывал, опираясь на Спинозу (представителя нейтрального монизма!), которого он считал своим единомышленником. По мнению Гегеля, в концепции Спинозы материальное и имматериальное едины в боге [6, с.49]. Однако в целом концепция Гегеля – это идеализм, поскольку первооснова всего существующего – мировой дух.

Материализм (Демокрит, Т. Гоббс, П.А. Гольбах, Л. Фейербах, Ю.Т. Плейс, Д. Армстронг и др.) предполагает, что существует только материя и ее свойства. Физические объекты состоят из материи, существуют в пространстве

и времени, обладают формой, величиной, плотностью и способны к движению. Ментальные явления материальны или тождественны состояниям мозга, или представляют собой свойства физических объектов. По мнению Приста, сильная сторона материализма – характеристика свойств физических объектов [14, с.131]. Однако отметим, что для описания полей и особенно физического вакуума многие из этих характеристик не годятся. Прист приводит и такой аргумент в пользу материализма: когда мы полагаем, что думаем о чем-то нефизическом, нам удастся вообразить лишь невидимые или прозрачные физические объекты [14, с.133]. Этот аргумент несколько напоминает онтологическое и психологическое доказательства бытия бога, так что в полной мере доказать ничего не может. Как опять-таки пишет Прист, ничто в современной науке не опровергает идеализм и не доказывает материализм [14, с.95].

Диалектический материализм К. Маркса Прист не считает материализмом в полном смысле слова. Философ пишет, что по Марксу ментальное не есть физическое, ментальное детерминируется физическим [14, с.134-135], то есть Прист видит в марксизме черты дуализма. Возможно, Прист находит у Маркса и признаки нейтрального монизма, хотя прямо об этом не пишет. Прист отмечает, что по мнению Маркса, изложенному в работе «Экономико-философские рукописи 1844 года», его натурализм представляет собой преодоление материализма и идеализма [14, с.135]. К этому можно добавить, что, по мысли Ф. Энгельса, современный ему материализм есть отрицание отрицания (то есть синтез – примечание И.Л.) по отношению к старому идеализму и последующему двухтысячелетнему развитию философии, в основном идеалистической [12, с.142]. Работа Энгельса «Анти-Дюринг (1878)», в которой дана эта характеристика диалектического материализма, была, как известно, прочитана Марксом в рукописи и одобрена им.

Как представляется, первый аргумент Приста против того, чтобы считать онтологию Маркса материализмом, не очень убедителен: несколькими страницами раньше автор отмечает, что слабый вариант материализма допускает существование у физического объекта нефизических (ментальных или абстрактных) свойств [14, с.131], а согласно диамату сознание – свойство материи. Убедительность второго аргумента Приста зависит от того, как понимать детерминизм. Если считать, что это то же самое, что и причинная обусловленность, то Прист прав: явление не может быть причиной своих свойств. Но есть мнение, что существуют непричинные виды детерминации, например, функциональная связь между характеристиками объекта, отношение между формой и содержанием и др. [1, с.487-488]. Не исключено, что при расширенном понимании детерминизма представление об обусловленности сознания как свойства материей как субстанцией является допустимым. Видимо, постулат диалектического материализма о том, что материя первична, а сознание вторично, следует понимать именно как непричинную детерминацию. Особенно в том случае, если сознание рассматривается в качестве атрибута материи в силу вечности материи не только в количественном, но и в качественном отношении [1, с.435]. Тем не менее, с

утверждением Приста о том, что диалектический материализм Маркса это не совсем материализм, можно согласиться. Несмотря на мнение о том, что сознание – это свойство материи [1, с.437] или форма деятельности [1, с.235], или функция мозга [1, с.423], в одной из современных версий марксистской онтологии говорится, что существуют мир сознания и мир природы, причем оба могут характеризоваться понятием бытия [12, с.42; 1, с.423], что сознание вечно, как и материя [12, с.546; 1, с.436], что «материя одухотворена» [12, с.536; 1, с.436, 441], а сознание материально [1, с.434].

Не будем рассматривать вопрос, имеются ли противоречия между обозначенными группами утверждений: по мнению П.В. Алексеева и А.В. Панина, противоречий здесь нет [1, с.436]. Однако предложения второй группы указывают на элементы нейтрального монизма и пантеизма в материализме Маркса или же в его современной интерпретации. В качестве косвенного аргумента, способного подтвердить эту точку зрения, отметим, что П.В. Алексеев и А.В. Панин, разъясняя материалистическое понимание субстанции, цитируют Б. Спинозу [1, с.432,433]. Между тем, Спиноза, как известно, не был материалистом. Он был пантеистом и одним из ранних представителей нейтрального монизма. Поэтому мнение П.В. Алексеева и А.В. Панина о близости диалектического материализма к концепции Спинозы некоторым образом подтверждает представление о наличии в марксистской онтологии элементов пантеизма и нейтрального монизма. Учитывая данную выше оценку идеализма Гегеля, это вполне закономерно. Наиболее фундаментальные онтологические учения XIX века, гегельянство и марксизм, не укладываются однозначно в рамки идеализма или материализма, что косвенно говорит об ограниченности и того и другого типа учений о бытии.

Нейтральный монизм предполагает, что физическое и ментальное – это две формы проявления, два аспекта или два свойства единой реальности, которая не является ни материей, ни сознанием, но содержит в себе возможность и того, и другого. По мнению С. Приста, к представителям этой онтологии относятся Б. Спиноза, Д. Юм, У. Джемс, Б. Рассел, П. Стросон [14, с.192-194]. Б. Рассел считает своими единомышленниками Д. Юма (его называли новым Юмом) [8, с.14], У. Джемса, Дж. Дьюи, Р.Б. Перри [14, с.205-206; 23, с.6], Дж. Мура, А.Н. Уайтхеда [8, с.148]. Некоторые авторы полагают, что основоположником нейтрального монизма был древнегреческий философ Анаксимандр, но Б. Рассел и С. Прист так не думают [15, с.60-61; 14, с.192-194]. Рассмотрим некоторые концепции, которые, как представляется, можно отнести к нейтральному монизму.

По мнению Анаксимандра, субстанциональное и генетическое начало мира – апейрон (количественно и качественно неограниченное). Это то общее, что присуще взаимопревращающимся стихиям - земле, воде, воздуху и огню. Апейрон божественен (вечен и бессмертен), «все объемлет и всем управляет». Все сущее возникает из апейрона, и все опять в него вернется [2; 20; 17]. В апейроне существуют все миры [15, с.60]. Правда, не ясно, существует ли множество миров Анаксимандра одновременно или последовательно [22]. Если апейрон можно интерпретировать как субстанцию, содержащую в себе

возможность физического (четыре стихии) и ментального (живое, согласно Анаксимандру, со временем зародилось из неживого, люди произошли от животных), то это эволюционный вариант нейтрального монизма. Изначальная субстанция некогда пребывала в своем «первозданном» состоянии, когда она была нейтральна, но обладала возможностью порождения физического и ментального. В наши дни эта субстанция, сохраняя свою нейтральность, существует через стихии и вещи, включая человека с его сознанием. В будущем четыре стихии и все многообразие вещей, в том числе, люди, вновь растворятся в апейроне.

Нидерландский философ XVII века Б. Спиноза считает, что существует только одна субстанция, и она имеет два атрибута – протяженность и мышление. Если мы мыслим мир как протяженный, то это Природа; если мы мыслим его как обладающий сознанием, то это Бог. Человек – часть единой субстанции. Если мыслить человека под атрибутом сознания, то это душа, а если мыслить его под атрибутом протяженности, то это тело [3; 14, с.197-204]. Это не эволюционный вариант нейтрального монизма. Вне зависимости от того, предполагает ли подобная онтология акт «рождения» мира, противоположности ментального и физического не обособляются со временем из единственной субстанции, а постоянно присутствуют в ней в качестве ее неотъемлемых свойств – атрибутов. По мнению Б. Рассела, концепция субстанции, на которую опирается Спиноза, не совместима с современной наукой [15, с.687], и с ним можно согласиться. Онтология Спинозы гораздо ближе к ньютоновской картине мира [4], чем к современной релятивистской физике и космологии, что естественно, учитывая время создания концепции нидерландского мыслителя. Однако теория Большого взрыва предлагает модель не мироздания в целом, а Метагалактики, квантовая механика описывает не макро-, а микромир. Кроме того, физика развивается в наши дни очень быстро, и через несколько десятилетий естественнонаучная картина мира может снова разительно измениться.

По мысли английского философа XX века Б. Рассела, мироздание состоит из событий - пространственно-временных сущностей с особой длительностью и протяженностью, которые сами по себе не являются ни ментальными, ни физическими [24, с.287] и не состоят ни из какой субстанции [24, с.290]. Именно из этого простого, нейтрального материала сконструированы во Вселенной материя и сознание. Этот материал находится в них и выше них, словно общий предок [23, с.10-11]. Разновидностью событий являются чувственные данные. Они нейтральны относительно ментального и физического описания. Это место встречи психологии и физики. Чувственные данные (например, цвет, звук, запах) могут считаться ментальными в той мере, в которой психологи подводят их под психологические законы. Те же данные считаются физическими в той мере, в которой физики подводят их под физические законы. В развитой науке не будет ни понятия «материя», ни понятия «сознание», так как первое из них ничего не обозначает, а второе очень неопределенно [24, с.292]. Психология и физика, изучающие ментальные и физические феномены, демонстрируют в XX веке, по мнению Рассела, прямо

противоположные тенденции: психология – материалистическую, а физика – антиматериалистическую. Эти тенденции должны быть учтены и согласованы между собой современной философией [23, с.6].

Как отмечает С. Прист, Рассел старается не писать ничего такого, что противоречило бы современной физике [14, с.207, 215]. К этому стоит добавить, что онтология Рассела оказалась совместимой с естественнонаучными теориями и фактами, о которых английский философ знать не мог. Инфляционные модели – современные варианты теории Большого взрыва, описывающие начальные стадии расширения Вселенной, были предложены в 80-е годы XX века. Работы Рассела (1872-1970) «Очерк философии» (1927), «Анализ сознания» (1921), «Анализ материи» (1927), в которых излагается мнение о том, что «нейтральный материал» («neutral stuff») [23, с.6], из которого сконструированы ментальное и физическое, – это События, были написаны значительно раньше. Между тем, современная космология позволяет считать, что в истории Метагалактики Событие – Большой взрыв – предшествовало возникновению материи. Согласно инфляционной теории А.Д. Линде, в первые доли секунды после Большого взрыва Вселенная расширялась со скоростью, существенно превышавшей скорость света. Считается, что это утверждение не противоречит теории относительности, поскольку расширялось само пространство [11].

Копенгагенская интерпретация квантовой механики была сформулирована Н. Бором и В. Гейзенбергом в Копенгагене около 1927 года. В соответствии с этой интерпретацией, а еще более – с квантовым эффектом Зенона, который был предсказан в 50-е годы XX века, но экспериментально зафиксирован только в 1989 году [19, с.186], характеристики и время жизни элементарной частицы (частицы материи) также зависят от События – Акта наблюдения частицы [19, с.186-188].

Таким образом, онтология Рассела не противоречит теориям и экспериментальным данным конца XX века, которые описывают мега- и микромир. Но применительно к макромиру отчасти справедливо замечание Приста относительно странности утверждения Рассела о том, что события существуют, но нет того, с чем они происходят [14, с.215]. Правда, отрицая научность понятий материи и сознания, Рассел не считал, будто физические объекты, включая людей с их мыслями и чувствами, в действительности не существуют. Он только утверждал, что существование физических объектов нельзя доказать логически и что современная физика в ряде случаев постулирует наличие элементарных частиц. Однако предположение, будто окружающая реальность – это плод сознания человека, Рассел считал интуитивно недостоверным и онтологически излишне сложным, а потому и ошибочным [16].

В онтологии Рассела в роли исходной реальности выступают отношения и процессы. Как представляется, если все существующее образовано находящимися в движении системами отношений, то эти подвижные системы отношений можно считать исходной нейтральной субстанцией. С учетом современной космологии онтологию Рассела можно рассматривать как

эволюционную.

Существуют учения, в которых имеются элементы нейтрального монизма. Это такие конструкции, в которых противоположность материи и сознания снимается некоторой третьей сущностью, в результате чего бинарная оппозиция преобразуется в тернер. У Гегеля роль такой сущности играет мировой дух, у Маркса – бытие. В обеих системах мира третий элемент тернера первичен по отношению к материи и сознанию. Но если онтология Гегеля эволюционна, то онтология Маркса статична: материя, согласно диалектическому материализму, не развивается; развиваются только материальные системы. Правда, если считать, что мироздание в целом представляет собой материальную систему, то оно может и должно эволюционировать.

К числу недостатков нейтрального монизма Прист относит неясность того, чем являются постулируемые этим типом онтологии нейтральные сущности [14, с.195]. Однако эта неясность касается, главным образом, концепции Анаксимандра, которую Прист не относит к нейтральному монизму. Апейрон Анаксимандра нельзя однозначно отождествить с каким-либо современным понятием. Правда, можно предположить, что апейрон имеет некоторые свойства хаоса, что апейрон и хаос – близкие понятия.

У Спинозы нейтрально мироздание в целом (мир имеет атрибуты протяженности и мышления). По мнению Маркса, материя и сознание представляют собой формы проявления бытия. В современной российской версии марксизма, изложенной П.В. Алексеевым и А.В. Паниным, такими формами являются одухотворенная материя и материальное сознание, то есть мир в целом, как и в построениях Спинозы, нейтрален. У Гегеля в качестве сущности, причастной и к материи и к сознанию, выступает мировой дух (чисто духовное начало). В концепции Рассела «нейтральный материал» – события – представляет собой находящиеся в постоянном движении системы отношений (структуры).

Достоинство нейтрального монизма Прист видит в том, что этот тип онтологии позволяет избежать недостатков идеализма (недооценка физического), материализма (недооценка ментального) и дуализма (отсутствует проблема каузального взаимодействия между качественно различными субстанциями) [14, с.195, 215]. Можно обозначить еще два достоинства нейтрального монизма.

Во-первых, вряд ли реальность можно осмыслить при помощи бинарных оппозиций. Как показано Гегелем, противоположности снимаются в их синтезе. Существует мнение, что мышление триадами более продуктивно, чем мышление бинарными оппозициями. По мнению А.Г. Егорова, любая конструктивная бинарная оппозиция с необходимостью предполагает синтез – третий член, который преобразует бинер в тернер [7]. С этой точки зрения противоположность ментального и физического должна сниматься без асимметрии между ними в пользу материи или сознания – но путем образования триады.

Во-вторых, нейтральный монизм больше соответствует принципу

эволюции, чем другие типы онтологий. Если считать, что мироздание в целом представляет собой систему, то эта система с необходимостью эволюционирует (развитие изолированных систем описывает второй закон термодинамики), а эволюция предполагает необратимые качественные изменения развивающейся системы [13].

Онтологию Рассела в наши дни можно было бы изложить следующим образом. Исходное состояние Метагалактики (с сингулярностью или без нее) можно рассматривать как нейтральное относительно материи и сознания (структура без элементов, отдаленное подобие физического вакуума), но заключающее в себе возможность появления физического и ментального. Эта возможность могла существовать в качестве аттрактора – цели-программы, которая поэтапно реализовывалась в процессе эволюции Метагалактики. Можно предположить, что аттракторов было несколько, но по неизвестным причинам реализовался сценарий, в котором появившийся мир оказался замечательным образом приспособлен к существованию жизни в земных формах (см. антропный принцип) [21]. Материя образовалась в ходе расширения нашей Вселенной в соответствии с теорией Большого Взрыва. Процесс формирования сознания нашел одно из своих возможных воплощений в человеке, который представляет собой новое единство материи и сознания, но на более высоком уровне (сложнейшая структура с множеством элементов, как физических, так и ментальных). Не противоречащим современной космологии представляется предположение о том, что Вселенная в целом (вне зависимости от того, исчерпывается она Метагалактикой, или нет) как изолированная система с течением времени деградирует и растворится в некоторой нейтральной субстанции (отсутствие всякой структуры), имеющей несколько аттракторов, в том числе, цель-программу образования структуры. Вопрос о том, в соответствие с какими законами могли бы происходить новые возрождения Вселенной в целом как изолированной системы или отдельных миров, в настоящее время рассмотрен быть не может.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее адекватной современным общенаучным представлениям онтологией является нейтральный монизм. Это означает, что наиболее конструктивную методологию истории нижнего уровня в рамках онтологического аспекта методологии целесообразно было бы искать среди теорий этой группы. Правда, ни один из существующих вариантов нейтрального монизма (включая онтологии с его элементами) в наше время не может быть достаточно убедительно обоснован ни естествознанием, ни общенаучными теориями. Тем не менее, учитывая эволюционность, свойственную в настоящее время общенаучной картине мира, наиболее перспективным вариантом нейтрального монизма можно считать онтологию Анаксимандра-Рассела.

Подведем некоторые итоги анализа онтологического аспекта методологии истории. В качестве исторической методологии нижнего уровня целесообразно рассматривать эволюционный вариант нейтрального монизма как онтологию, более других соответствующую современному естествознанию, проникнутому идеей развития. Наиболее конструктивной методологией истории среднего

уровня представляются общенаучные концепции, включая синергетику и теорию систем.

Характеристикам сложных открытых систем и принципам их эволюции, выявляемым синергетикой, в наибольшей степени соответствует синтезная историософская парадигма, которая может рассматриваться как оптимальная на данной стадии развития науки и человечества в целом методология истории верхнего уровня. Возможное решение проблемы историко-культурной идентичности России в единстве с проблемой определения макроструктуры человечества предлагает концепция взаимодействия в мировой истории четырех типов исторического развития. В соответствии с этой концепцией Россия представляет собой пограничную цивилизацию, относящуюся к смешанному типу [10].

Задача России на современном этапе ее эволюции заключается в качественном продвижении в направлении выработки самобытного, в полной мере синтезного пути развития. Поэтому стратегия модернизации России в условиях перехода к информационному обществу должна заключаться в выработке собственного варианта быстрого линейного развития, учитывающего положительный опыт стран Запада и Востока, но не предполагающего прямое копирование тех или иных решений. Учитывая опыт исторического развития человечества, возможность выработки синтезного пути развития России чисто научным путем представляется маловероятной, но наука может и должна определить направление поисков.

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Теоретические аспекты методического обеспечения формирования компетенций молодых специалистов в условиях движения страны к информационному обществу», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 году.

Литература:

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М.: Проспект. 2008, - 592 с.
2. Антология мировой философии в четырех томах. Т.1. Философия древности и средневековья. Часть 1. С.270-271, 273.
3. Антология мировой философии в четырех томах. Т.2. С.350-408
4. Васильев И., Наumenко А. Три века бессмертия// Коммунист. 1977. №5. С.63-73.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия природы//Энциклопедия философских наук. Т.2. М.: Мысль. 1975. С.7-579.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия духа//Энциклопедия философских наук. Т.3. М.: Мысль, 1977. С.6-407.
7. Егоров А.Г. Бинер как система //Сборник научных трудов SWorld. По материалам международной научно-практической конференции «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития '2011». Том 25. Философия и филология. Одесса: Черноморье, 2011. С. 96-98.
8. Колесников А.С. Философия Бертрана Рассела. Л.: Изд-во

Ленинградского университета. 1991, - 232 с.

9. Ларионова И.Л. Всемирно-исторический процесс: варианты интерпретации //Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании' 2011». Выпуск 4.Том 32. Одесса: Черноморье, 2011. С.79-88.

10. Ларионова И.Л. Модели исторического развития западноевропейской цивилизации и России: сходство и различие процессов модернизации //Гуманитарные науки. История. Сборник научных трудов. Выпуск 5. М.: МИЭМ, 2011. С.29-41.

11. Линде А. Д. Многоликая Вселенная (текст лекции). 10 июня 2007 г., Москва, ФИАН. <http://elementy.ru/lib/430484>

12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т.20.

13. Пригожин И.Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. С.60.

14. Прист С. Теории сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. 2000, - 286 с.

15. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. 2003, - 992 с.

16. Рассел Б. Проблемы философии. Новосибирск: Наука, 2001. С.12-18.

17. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 1. Античность. СПб.: ТОО ТК «Петрополис. 1994, С.20-23.

18. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т.4.От романтизма до наших дней. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. С.399.

19. Халфин Л.А. Квантовый эффект Зенона//Успехи физических наук. 1990.Т.160. Вып.10. С.185-188.

20. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М.: Высшая школа, 1981. С.129-132;

21. Философия науки/Под ред.Ю.В. Крянева, Л.Е. Моториной. М.:Альфа-М, ИНФА-М, 2008. С.189-191.

22. Finkelberg A. Plural Worlds in Anaximander//The American Journal of Philology. 1994. Vol.115. P.485-486.

23. Russell B. The Analysis of Mind. London: George Allen and Unwin, 1921.

24. Russell B. The Analysis of Matter. London: Kegan Paul, 1927.

ЦИТ: 412-1023

Врублевская О.А.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Сибирский государственный технологический университет

В данной работе раскрываются условия и факторы формирования социального партнерства как социальной технология, с позиций реализации коллективистского общества и индивидуалистического общества.

Ключевые слова: социальное партнерство, социальная технология, коллективистское общество, индивидуалистическое общество, форма